

**ИСЧЕЗНУВШЕЕ ПЛЕМЯ МЕРКИТОВ (МЕКРИТОВ):
К ВОПРОСУ О ПРОИСХОЖДЕНИИ И ИСТОРИИ**

Этническая история средневекового племени меркитов слабо изучена, не выяснен вопрос о соотношении между мекритами и меркитами, а также мекринами Восточного Туркестана. В статье обосновывается предположение о том, что предками меркитов, мекритов и мекринов являются мохэ Дальнего Востока. Контакты меркитов (мекритов) с самодийцами и юкагирами позволяют связывать их с уральскими народами. Антропонимы и топонимы меркитов Забайкалья, а также тотемный культ орла и фольклорные материалы саха свидетельствуют об участии меркитов в этногенезе саха.

Ключевые слова: этногенез, этнонимы, тюрки, тунгусы, монголы, мохэ, меркиты, саха, Чингис-хан.

Центральная Азия с древности пережила великие переселения народов, поэтому этническая принадлежность кочевых этносов Центральной Азии является предметом научных споров не только в тюрко-монгольских, но и в окружающих Великую степь странах. Среди этих этносов выделяются гурван-меркиты, оказавшие сильное сопротивление армии Чингисхана. По их истории нет отдельной серьезной публикации, кроме научно-популярной книги А. В. Тиваненко [1992]. Поэтому изучение этнической истории меркитов может пролить свет на проблему участия их в формировании тюрко-монгольских народов в развитем и позднем средневековье.

Целью работы является изучение проблемы происхождения и этнической истории меркитского племени путем анализа средневековых источников с использованием, прежде всего, системного подхода, а также историко-генетического метода. Мы попытаемся определить этническую принадлежность исчезнувшего племени Центральной Азии через этимологический анализ этнонимов, антропонимов и топонимов, с ним связанных. Выводы и положения, полученные в результате нашего исследования, могут инициировать дальнейшие научные изыскания по проблеме этнического происхождения племени меркитов, их роли в истории Центральной Азии. Итоги объективного рассмотрения темы предполагают

выход на изучение средневековой истории Монголии и Бурятии.

Этноним «меркит» обычно воспроизводили от тотемного обозначения орла-беркута. Поскольку в тюркских языках распространен процесс перехода б ↔ м, то можно получить беркут / бургуд ↔ меркут / мургуд. Таким образом, происхождение этнонима «меркит» от тотемного слова «меркит» кажется затруднительным. Тем не менее телеутский сеок меркут на Алтае, называвшийся также *меркут*, считал себя произошедшим от белоголового орла; орел рассматривался как птица хозяина Неба, неизменный спутник и помощник шамана [Зуев, 1970. С. 84]. В народной этимологии название сеоков *иркит*, *мүркут* и *меркут* происходит от слова *мүркут* (беркут), ибо, как повествует легенда, первопредком носителей этих этнонимов был беркут, преображенный по воле бога в мужчину [Дыренкова, 1926. С. 252]. Такие же сведения имеются о роде меркут среди монголов-торгаутов (торгоутов). Почитание орла меркитами в качестве своего прародителя связывает их с мифологией саха. Хомпоруун Хотой Айыы – Горбоносый Орел, почитается представителями аристократии саха в качестве отдаленного предка. У саха орел также ассоциируется с солнцем [Штернберг, 1936].

Исходя из изложенных выше сведений можно полагать, что меркиты, вероятно,

были потомками древнего населения Южной Сибири, почитавшего орла (беркута) в качестве своего родоначальника. По мнению Ю. А. Зуева, тотем орла связывает меркитов с древними ариями [Зуев, 1970. С. 84]. Ранее этот вывод сопровождался упоминанием наличия индоиранского субстрата в составе саха, по мнению якутских этнографов, восходящего к пазырыкской культуре, которая считается стартовой для якутской этнокультуры [Гоголев, 1993]. Однако не все современные археологические и генетические исследования связывают пазырыкцев с индоиранцами. Спорными являются и возведение культа Орла у саха к древним ариям, и утверждение о преобладании общего с народами Северной Индии генотипа N1A в мужском генофонде саха и о наличии санскритского слоя в языке саха.

Этноним *меркит* можно связать и со словом *мерген*, широко распространенным в алтайских языках (считается заимствованным из монгольских языков). Так, в тюркских языках *мерген* (варианты *market*, *мирген*, *мергин*, *бэргэн*) имеет следующие значения: умный, ловкий, меткий; ружейная охота, снайпер; сильный, силач, храбрый, удалой; як. *бэргэн* – ружейная охота; герой. В письменном монгольском *mergen* – мудрый, умный, опытный, способный; в калмыцком *мергн* – снайпер, меткий стрелок; мудрый, способный; меткий, ловкий; в бурятском *мэргэ(н)* – меткий стрелок. *Мерген* – обычный эпитет былинных героев у монголоязычных народов. В тунгусо-маньчжурских языках слово *мэргэн* имеет значения молодец, богатырь, мудрый, храбрец [Сравнительный словарь..., 1975]. М. Фасмер предположил индо-иранское происхождение *mergen* (древнеиндийское *mrgayus* – охотник; *mrgyati* – охотиться) [Этимологический словарь..., 2003].

По нашему же мнению, происхождение этнонима *меркит* следует связывать с обозначением орла-беркута в тюркских языках Саяно-Алтая. Тем более, что есть сведения о существовании меркитов в Саяно-Алтае еще в древнетюркскую эпоху.

Впервые, в Тан-шу, они упоминаются под именем *ми-ли-гэ* (в юаньскую эпоху китайцы слово «меркэ» передавали иероглифами *мэ-ли-ци*). Для жилья они строили деревянные срубы, крытые берестой («Юань-чао-ми-ши» упоминает только о городках, служивших меркитам опорными пунктами),

и существовали охотой и коневодством. По словам Н. Я. Бичурина, милигэ в VII в. н. э. проживали в горно-таежном районе Саян и вокруг озера Хубсугул и вместе с Дубо и Эчжи составляли три аймака, входившие в состав Восточного Тюркского каганата [Бичурин, 1953. С. 254].

О вхождении милиге-меркитов в состав древних тюрок свидетельствует их обозначение – *мума тукюэ*, т. е. «лыжные тюрки». В противовес вышесказанному, есть другие сведения – о незнании ими ни скотоводства, ни земледелия и проживании за счет собирательства, охоты и рыболовства. К тому же дубо одевались в одежду из соболиных шкур и оленьей кожи, у них существовал обычай умерших класть в гробы и ставить на горах или же привязывать на деревьях [Бичурин, 1953. С. 254]. Данный обычай сравним с традицией «воздушных погребений», именуемых *арангасами*, в погребальных обрядах якутских шаманов.

Л. Н. Гумилев меркитов помещал в Саянском или Урянхайском крае и относил к самодийцам – древним насельникам края. В ходе борьбы со своими извечными врагами – кыргызами, саянские лесовики объединялись с курыканами – «курумчинскими кузнецами» [Гумилев, 1993. С. 264]. Таким образом, меркиты были лесным племенем, обитавшим между Саянами и Ангарой.

Поскольку меркиты до переселения в Забайкалье были обитателями Саяно-Алтайского региона, то хотелось бы обратить внимание на тот факт, что дореволюционные исследователи этногенеза саха, оперировавшие преимущественно фольклорными и лингвистическими материалами, говорили о саяно-енисейской прародине саха. Указания на существовавшие у якутов предания об обитании предков саха в Саяно-Енисейском крае постоянно встречаются в трудах русских и иностранных путешественников и исследователей XIX в. Так, по записям П. Кларка, у виллюйских саха до середины XIX в. сохранялись предания о кочевании их предков в верховьях Енисея, затем около Байкала [Гоголев, 1993. С. 54]. Барон Майдель зафиксировал предания об исходе саха с Енисея. Этот сюжет присутствует также в работах Н. Ф. Остолопова, Н. Н. Щукина, Н. А. Кострова, где сведения фольклорных источников еще более конкретизированы: исторический предок саха Омогой Баай со своим народом обитал на Енисее, оттуда

был вытеснен в бурятскую степь [Ксенофонтов, 1992].

Известно, что в монгольское время, в XI–XIII вв., меркиты обитали уже на территории Центральной Бурятии. Это совпадает с данными якутского фольклора о проживании их предков в течение долгого времени вместе с народом *бэрээт* по хребтам Ат-Дабаан, Огус-Дабаан, Хаамар-Дабаан [Боло, 1994. С. 31, 32]. Интересно, что в Западном Забайкалье имеется хребет под названием Хаамар-Дабаан, чье название пытаются объяснить на основе монгольских слов; однако в якутском языке он получает гораздо более точное определение – хребет, который можно пройти пешком.

Следует отметить и тот факт, что компактный район *о́канья* в хоринском диалекте бурятского языка совпадает с предполагаемым районом меркитских кочевий. В *о́канье* бурятские лингвисты видят яркие следы тюркского влияния на бурятский язык [Тиваненко, 1992. С. 57]. Такое же диалектное деление на *о́кающие* и *акающие* говоры встречается и в языке саха. При этом *акающий* диалект принято связывать с фактом *объякучивания* монголоязычных групп на Средней Лене.

Бурятские ученые сделали вывод о том, что при передвижении основной массы предков саха отдельные их группы остались на занимаемых ими ранее территориях. Так, они могли осесть в богатых пастбищами долинах рек, в частности Тугнуя и Курбы в Забайкалье. Именно там можно встретить сильно развитое *о́канье*, что указывает на ассимиляцию этого субстрата основной монголоязычной массой населения региона [Буряты, 2004. С. 232].

Действительно, некоторые антропонимы и топонимы меркитского происхождения объяснимы средствами языка саха. К таким антропонимам следует отнести имена знаменитых людей из племени меркитов Тохтоа-Боко, Чильгир-Боко, Туракины-хатун, Кулан-хатун, Даир-Усуна, Тогуз-Боко и др. [Ушницкий, 2004]. Д. Д. Нимаев, утверждая, что антропонимический материал свидетельствует о монголоязычии этого племени, производит имя Тохтоа от монгольского слова «тогто (хо)» – остановиться, стать [Нимаев, 2007. С. 69]. Однако подобное слово имеется и в тюркских языках, в частности в языке саха и в кыргызском.

Следует обратиться к отраженной в исторических хрониках топонимике Забайкалья, связанной с меркитами. Так, названия исторических мест, относимых к битвам меркитов с монгольскими армиями, объясняются на основе языка саха. Например, название священного места меркитов Тайхая связывается с якутскими словами *таай* – дядя, *хайа* – гора. В имени крепости Харата-Худжаур первое слово топонима происходит от якутского *Хара тыа* – черный лес. Второе слово топонима Муроча-сеул образовано от слова *сиэл* – грива, хвост лошади; современная местность Тойон около предполагаемой ставки меркитских вождей могла получить свое название от якутского *тойон* – господин [Ушницкий, 2004].

В археологическом отношении с меркитами связывается саянтуйский этап хойцегорской культуры Западного Забайкалья X–XII вв. Весьма интересно, что Ф. Ф. Васильев отмечал определенное сходство элементов погребальной культуры саха с памятниками этой археологической культуры [Васильев, 1995. С. 40]. Саянтуйцы являются преемниками хойцегорской культуры, отождествляемой с древними уйгурами. Поэтому А. В. Тиваненко считает меркитов потомками древних уйгуров, тем более, что среди них было племя уйкур [Тиваненко, 1992. С. 57].

Меркиты разделялись на три племени, подобно тому, как саха называли себя *Үс Саха* (три Саха).

Одним из них являлось племя хаат-хаатай. Термин *хаат* может быть сравним с традицией почитания хатов – реальных или мифических предков у бурят. Т. Д. Скрынникова возводит эту бурятскую традицию к угорским народам Приобья, в языке которых *хатай* – покойник, череп, а словосочетание *ха та* – умерший [Скрынникова, 1997. С. 175].

Название второго племени меркитов – Хоас, связывается с именем хоринского рода *хуасай*, по этой причине считающегося потомком меркитов. Хуасаевцы обитали на исторической прародине меркитов и сохранили историческую память о событиях 800-летней давности [Тиваненко, 1992].

По мнению Г. Н. Румянцева, хаосай (хоринцы) и хаосай (хоас) меркиты (уваз-меркиты, по Рашид-ад-дину) находятся в генетическом родстве; иначе говоря, этот бурятский род происходит от меркитов и

включен в состав хори-туматов в XIII в. [Румянцев, 1962. С. 141, 142].

Ц. Б. Цыдендамбаев, приняв во внимание тот факт, что слово «сай» встречается в качестве названия местности, пришел к выводу: «...бурятское хуа в этнониме хуасай могло получиться из куба» [Цыдендамбаев, 1972. С. 101]. Действительно, хуасаевцев иногда называют хубасаевцами. Культ лебедя распространен у хоринских бурят, среди саха лебедя считали своим прародителем в основном потомки Омогоя – намцы и батунцы.

Другим названием хоас-меркитов было увас-меркиты. Название эвенкийского рода увачан возводят к имени этого племени. Примечательно, что это имя напоминает любовно-ласкательную форму от слова саха *убай* – старший брат. Род Увачан, обитавший на Нижней Тунгуске, считался имевшим «примесь якутской крови» – эти люди сочетали в своем хозяйстве скотоводство и оленеводство [Туголуков, 1985. С. 139].

Тохтоо-Бобо после поражений от монголов Чингисхана и Тогрула обычно уходил в страну Баргучжин. Поэтому интересно, что род увакасыл или вокарай в составе забайкальских эвенков Г. М. Василевич и В. А. Туголуков связывали с мекритами или меркитами. Среди тунгусов восточного побережья Байкала встречается Вакарайский род, включавший как коневодов, так и оленеводов [Туголуков, 1980. С. 162].

У эвенков можно встретить предания о борьбе с народом железных богатырей «бекри», у которых и кони были закованы в железо. Они потерпели поражение и были ассимилированы тунгусами-эвенками [Туголуков, 1985. С. 190]. Однако Д. Д. Нимаев предпринятое В. А. Туголуковым сопоставление этнонимов *меркит* – *бекри* с тунгусским *вокарай* считает слишком натянутым [Нимаев, 2007. С. 68].

К концу XIII в. относится сообщение Марко Поло о том, что в долине «Бангу» (Баргу) живут дикие охотники и скотоводы «мекри». У них было много оленей; на оленях они ездили. Нравы и обычаи у них, как у татар, они якобы тоже признавали власть великого хана. Эти «мекри» проживали в местности, где зимой из-за великого холода не жили ни зверь, ни птица. А летом они охотились на зверей и птиц. По утверждению Марко Поло, через сорок дней можно дойти до моря-океана, где есть горы, где

соколы-пилигримы вьют гнезда. Место это, якобы, находится так далеко на севере, что северная звезда остается позади к югу [Марко Поло, 1997. С. 239].

Считается, что упоминаемая в рассказе Марко Поло долина Баргу, где есть море-океан, это Байкал с островом Ольхон, на севере которого есть долина Баргузин. Однако в другом месте сочинения Марко Поло, при рассказе о «Росии», вновь встречается сюжет о море-океане с островами, на которых водились орлы-кречеты, привозимые великому хану [Там же. С. 370]. Отсюда ясно, что речь может идти только о Великом Ледовитом океане, его морях и островах, а не о Байкале, поскольку на Байкале после походов Чингисхана меркитов не осталось – они либо были истреблены, либо бежали, либо были насильно переселены в чужие края.

М. П. Алексеев и Г. Юль в мекритах видят тунгусов, а не тюркское или монгольское племя. Более того, Юль в этом описании усматривает ясное указание на ландшафт между Якутском и Колымой, замечая, что Марко Поло «получил сведения от очевидцев». При этом приводится цитата из описания путешествия Врангеля, где последний говорит о природе и фауне Нижне-Колымска [Алексеев, 1941. С. 38].

Эта страна в отличие от монгольских степей имела «много озер, прудов и болот», притягивавших стаи перелетных птиц. Арктика и образ жизни его обитателей наглядно видны в описании Марко Поло: «Питаются также птицами... Птицы, когда линяют, так пребывают в этих местах. Когда же совсем оголяют, так не могут лететь и их ловят тогда, сколько хотят. Едят также рыб» [Алексеев, 1941. С. 34]. Именно в связи с мекритами впервые обнаруживается описание образа жизни, который в дальнейшем становится характерным для саха и разных тунгусских групп. Так, мекриты разделялись на группы скотоводов и оленеводов, большую роль также играла охота на птиц и зверей.

В этой связи хотелось бы отметить то, что пионерами освоения тундры Северо-Востока Якутии среди тунгусских групп являются вакараи – потомки меркитов. Следы вакараев встречаются на весьма обширном пространстве Северной Сибири: в бассейне Нижнего Енисея – гидроним Вакарай; на Алазее – юкагирский этноним Вагарил; на Чукотке – реки Вакривай и Чаван-Вага-

рин, впадающие в Ледовитый океан; на Анадыре – приток Вакарина; в бассейне р. Амгунь, в составе негидальцев, имелись вакасилы, или вакагилы [Туголуков, 1980. С. 166]. Поэтому следует напомнить, что именно с мохэ связывают проникновение тунгусов с Дальнего Востока в I тыс. н. э. и приход эпохи железа на территорию Якутии.

А. А. Бурыкин первым указал на связь этнонима *вакарай* с юкагирами. В юкагирском языке *вагаршил* означает ‘предок, родоначальник’, *вагаршил* – исконные, коренные (также название рода тундренных юкагиров), *вагирэл* – название рода тундренных юкагиров, *вадул* – здешний, свой. По нему самоназвание юкагиров *вадул* и название юкагирского рода *Вагаршил*, *Вагирэл* связаны с эвенкийским родовым названием *Вакувагир* – в прошлом, по их рассказам, они жили около Байкала и Ангары. Имеется гидроним Менкере – правый приток Лены близ Жиганска [Бурыкин, 2006. С. 181]. Таким образом, неожиданно название *вакарай*, отождествляемое с именем меркитов – *бекри*, связывается с предками юкагиров.

Абульгази меркитов обозначал под именем маркатов. Еще из труда И. Маркварта известно, что к тюркам принадлежит также племя маурка, именуемое *кун*. Они ушли из Китая, поскольку были вынуждены оставить свои главные становища из-за нехватки земли. Насчет самоназвания кунов – *марка*, И. Маркварт сомневался, что оно как-то связано с монгольским этнонимом «меркит», так как в нем имеется палатальный гласный [Маркварт, 1914].

В. Ф. Минорский отмечал, что в арабских источниках упоминается племя марка: по его мнению, данное название у тюркоязычных народов встречается только в Якутии, где в долине Туймаада есть местность Марха [Minorsky, 1936]. Действительно, в бассейне Лены и Вилюя широко встречается топоним юкагирского происхождения Марха (юкагир. Морхэ(нг) – береза) [Бурыкин, 2006]. Следовательно, этноним *марка* также неожиданно выводит нас на юкагиров.

Согласно В. Ф. Минорскому, куны были родом монгольского Марке (Marqa), упомянутого у Ауфи; они упоминаются в связи с великим переселением племен в начале XI в. [Minorsky, 1936]. Интересным представляется отождествление кунов, т. е. мар-

катов, с курыканами [Яйленко, 1987. С. 153]. Таким образом, меркиты связываются и с племенем кунов (марка) – одной из составных частей Половецкого объединения.

Часть меркитов, спасаясь от Чингисхана, через Баргузин и Верхнюю Лену могла попасть в недоступные для монголов северные пределы. Так, мотив бегства знаменитого удальца со своей родины, преследуемого грозным царем за проступки, к тому же живущего на новой родине в постоянном страхе перед возможным приходом преследователей, глубоко запечатлен в якутских легендах о первом родоначальнике Омоего. Однако с Омоегом в фольклоре саха связан только первый этап заселения Средней Лены скотоводами – топонимика и археология края свидетельствуют о возможности монголизации первых пришельцев, позднее ассимилированных новой тюркской волной [Гоголев, 1993].

Мифологический образ Омоего, прибывшего на Среднюю Лену из-за преследования грозным царем за воровство, хорошо связывается с незадачливым женихом из племени меркитов Чильгир-Боко, бежавшим в страхе в неизвестном направлении от Темучжина, требовавшего возмездия за похищение своей жены Бортэ [Ушницкий, 2004]. Другой родоначальник саха Элэй, с которым связывают тюркоязычные этноса, бежит с отцом через безводные пустыни в результате преследования предков саха монголами и каким-то безумным царем по обвинению в конокрадстве [Ксенофонов, 1977]. В этой связи важно отметить, что первые ученые, исследовавшие якутские предания о собственном происхождении, связывали приход саха на Среднюю Лену с борьбой с Чингисханом, в результате чего они были загнаны в эти труднодоступные, необитаемые края [Миллер, 1937].

Рашид-ад-дин меркитов считает древним монгольским племенем, хотя они не перечисляются среди собственно монгольских племен – потомков Борте-Чино и Гоа-Марал. Западно-европейские авторы XIII в. говорят о наличии четырех монгольских племен: йека-монгал, су-монгал, «другой же [народ] именуется меркит, а четвертый – мекрит. И все эти народы имели сходную внешность и один язык, хотя между ними и было разделение по провинциям и правителям» [Карпини, 1997. С. 43]. По его информации, Чингис сначала сразился с меркита-

ми, страна которых была расположена возле земли татар, их также подчинил себе войною. После этого, он сразился против мекритов и их также покорил [Карпини, 1997. С. 44].

Пелльо и Пейнтер видели в этих мекритах кераитов. При этом они исходят из того, что, согласно Вильгельму Рубруку, Унк правил народом, именованным *крит* и *меркит*. Отсюда делается вывод, что народ *crit* (мекриты) есть кераиты. Следовательно, мекриты, возможно, появились в результате объединения керейтов и меркитов. Д. Поспеловский, который берет за основу сведения Марко Поло, считает, что мекриты – это большое племя, занимавшее земли юго-восточнее Байкала, и что францисканцы разграничивают мекритов и меркитов не только терминологически, но и территориально. Надо напомнить, что, по Марко Поло, мекриты занимались оленеводством и охотничьим промыслом. М. П. Алексеев отождествлял мекритов с тунгусами. По А. Г. Юрченко, историко-этнографической загадкой является то обстоятельство, что в местности Баргу, куда, согласно Сокровенному сказанию монголов, бегут меркиты, до них обитали лесные племена мекритов – оленеводов [Юрченко, 2002. С. 158–160]. Вся проблема заключается в том, что меркиты могли уйти в страну оленных мекритов, т. е. в Якутию. Носителей этнонимов *мекрит*, *вокарай*, *удуит* или *увас-меркит* можно отнести к осколкам древних мохэ.

Согласно Рашид-ад-дину, меркиты и мекриты являются одним и тем же этносом: «Их также называют племенем удуит, хотя некоторая часть монголов называет меркитов мекритами, смысл обоих (названий) один и тот же» [Рашид-ад-дин, 1952. С. 114].

Меркиты-калмыки издавна входят в Эркетеневский улус Калмыцкого ханства, и в конце XIX в. здесь сохранились два аймака меркитов: хо-меркит и ики-меркит [Авляев, 2002. С. 106–108]. Слово *хо* – благородный, возможно, связано с названием хоас-меркитов, возводимым к тотемному обозначению лебедя – *куба*. Калмыки в начале XVIII в. рассказывали Г. Ф. Миллеру об упорной борьбе своих предков с Чингисханом под руководством вождя Тохабеги-хана [Миллер, 1937. С. 179]. Калмыцкие меркиты считали себя находящимися под особым покровительством самого «Лу» – дракона,

так как его спас и помог в постигшем его несчастье представитель меркитов [Авляев, 2002. С. 106–108]. Интересно, что, по данным Рашид-ад-дина, монгольские урянкаты кричали во время грома и молнии [Рашид-ад-дин, 1952. С. 156]. По гипотезе С. М. Ахинжанова, *хи*, или уранхайцы, были народом дракона [Ахинжанов, 1989. С. 146]. Поверие о том, что молния исходит из некоего животного, подобного дракону, существовало и среди монголов [Рашид-ад-дин, 1952. С. 156]. Следовательно, калмыцкие меркиты могут иметь монгольское происхождение, хотя выкрикивание во время грозы и было урянхайским обычаем.

Мукрины, или мекри (бекри), обнаруживаются и в Уйгуристане, куда они проникли еще в глубокой древности. После распада державы Таншихая возникла «Западная сяньбийская орда», состоявшая из дружин, оставшихся на завоеванной территории. Сяньбийцы включали всех покоренных в свои войска, поэтому западных и восточных «мохэ» следует считать народом одного происхождения [Гумилев, 1961].

Это племя можно найти в составе тюргов в тесном соседстве с родами согэ и алишэ. В исторической литературе по поводу «мукри» высказано два мнения. Маркварт отождествлял их с меркитами. По Л. Н. Гумилеву, мукри не могут быть меркитами потому, что перестановка согласных здесь ничем не оправдана, к тому же меркитов нельзя назвать народом, близким к Чаньани-Таугаст. Э. Шаванн полагает, что «мукри» – это приамурский народ тунгусского племени, впоследствии называемый китайцами «мохэ» [Гумилев, 1993. С. 342]. К тому же меркиты не были близки к сяньбийцам-тоба ни этнически, ни территориально.

В источнике XIII в. в Восточном Туркестане зафиксированы «мукри». Рашид-ад-дин сообщает о них следующее: «Племя бекрин, их также называют мекрин. Жилище их находится в стране Уйгуристан, в крепких горах. Они не монголы и не уйгуры» [Рашид-ад-дин, 1952. С. 149]. Эти мекрины были хорошими ходоками по горам – скалолазами (киачи). Это войско составляло одну войсковую тысячу (хазарэ) [Там же. С. 70].

В монгольскую эпоху область мукринов составляла удел Хайду, внука Угэдэя, и затем, по-видимому, вошла в Чагатайский

улус. Когда власть чагатайских ханов пала и в степи организовывался узбекский племенной союз, в числе вошедших в него племен были и мукрины [Грумм-Гржимайло, 1926. С. 513]. В свое время Хулагу и его преемники взяли в Персию значительное число тяньшанских мекритов как людей, способных в горной войне. В сочинении Низам-ад-дин Шами «Книга побед» имеются сведения о людях из племени мекритов, оказавших огромные услуги в завоевании Тимуром горных крепостей и башен Кавказа [Золотая Орда..., 2003. С. 333].

Этноним *мекри* (*бекри*) следует связывать с мукринами – потомками древних мохэ (мукрин считается санскритской транскрипцией имени мохэ). В древнетюркских текстах можно встретить обозначение страны Бокли. Обычно считается, что под этим названием древние тюрки знали древнекорейское царство Бохай (мохэ), или Когуре. С. Е. Малов переводит так: «Из страны солнечного восхода (пришел) народ степи Боклийской». В подлиннике Бокли – *col ig il*, *Col* (монг.-тюрк.) – суша, безводная пустыня [Малов, 1951. С. 36]. Бокли по звучанию совпадает с названием *мукри* (мохэ) [Гумилев, 1993. С. 341]. Обозначение «боклийские степняки» представляется более удобным для милиге-меркитов – жителей Забайкалья.

В китайских названиях «уцзи» и «мохэ», корейских «мульгиль» и «мальгаль», тюркском «муглиг», санскритском «мукри» Э. В. Шавкунов видит различные варианты одного и того же имени, реконструированного как «монголи». Следовательно, через корейское *мульгиль*, которое представляется древним китайским прочтением этнонима *мохэ*, можно прийти к монголам [Шавкунов, 1968. С. 29]. Еще Н. Я. Бичурин предполагал, что свое имя монголы могли позаимствовать от хэйшуй мохэ [Бичурин, 1953. С. 276].

Е. П. Лебедевой в списках наименований маньчжурских и родственных им племен были собраны многочисленные свидетельства о бытовании этнонима *монгол* в их этнической среде: монголчжи, монгоро, монголо, монгочо, монгодза, монго, маньго, монгичо, маньга и т. п. В названиях ульчских и нанайских селений очень часто встречается слово *монголи*, а в маньчжурских – *мангари* [Шавкунов, 1968. С. 28]. Исходя из этого можно предполагать тунгу-

союзичие древних монголов или переход части тунгусоязычных мохэ на язык шивэев.

По данным «Цзинь го чжи» (в переводе В. П. Васильева), датани (монголы Темучина) были с чжурчжэнями «одного рода, потому как те, и другие потомки мохэсцев». Таким образом, по В. П. Васильеву, монголы вышли из восточной страны – Маньчжурии [Кызласов, 1992. С. 149].

Гипотеза Э. В. Шавкунова, отождествляющая малгалей корейских летописей с мохэсцами в китайских источниках, при проверке оказывается крайне спорной. Впервые сведения о племенах мохэ начинают проникать в Китай в IV–V вв., и вполне очевидно, что упомянутые в Самгук саги мальгаль не имеют к мохэ никакого отношения. В рассматриваемое время этнонима *мальгаль* (*мохэ*) еще не было, он возникает только в период правления китайских династий Суй и Тан [Шавкунов, 1968. С. 26].

В этой связи хотелось бы привести любопытный факт: бурятская традиция связывает памятники курумчинской культуры с легендарным народом «хара монгол». Это название в свете вышесказанного представляется калькой с китайского названия народа *сахальянь*, или *хэйшуй мохэ* (черноречные). Однако черноречных мохэ принято считать жителями Амура. Поэтому важны свидетельства антропологов о возможности генетического родства курумчинцев с народами Дальнего Востока, т. е. с сахальянь-мохэ. Так, по их выводам, носители курумчинской культуры оказались близки народам Амура – ульчам и негидальцам [Бураев, 2005. С. 211]. Б. Б. Дашибалов на основе археологических материалов сделал вывод о близости носителей курумчинской культуры к населению Дальнего Востока, к культуре Маньчжурии и Кореи, где в то время жили племена мохэ. Показательно, что этот бурятский ученый связывает курумчинцев с монголоязычными хори-шивеями [Дашибалов, 2003. С. 92–95].

Обнаруживаемая связь имени меркитов с этнонимом *монгол* показывает многокомпонентность средневековых монголов, предполагает, что в их этногенезе непосредственное участие могли принимать и загадочные мохэ. В итоге меркитов можно отнести к потомкам мохэ-мукринов, попавших под мощное влияние тюрков, потом монголоязычных этносов. Мохэсцы, следуя китайской традиции, считаются предками

чжурчжэней. Что касается тунгусов, то на основе изучения большой краниологической серии Троицкого могильника антропологи пришли к мнению о том, что мохэские племена Амура не являются предками того или иного современного тунгусоязычного народа. Ими был сделан вывод, что мохэские племена участвовали в формировании нанайцев, улчей и удэгейцев, но в процессе этногенеза эвенков и эвенов прямого участия не принимали [Алексеев, 1996. С. 42].

Поэтому можно достаточно определенно заявить, что этнонимы *мекрит* и *меркит*, как мы попытались показать, восходят к словам с различным значением. Племя меркит получило свое имя от орла-беркута, это название также производится от обозначения меткого охотника – Мэргэна. Еще в китайских хрониках меркиты были известны как древнетюркское племя милиге. Обитавшие в Восточном Туркестане мукрины соотносятся с мохэ, их поздние потомки – племя бекрин; они же упоминаются во времена Тимура как горцы-мекриты. Упоминаемые Марком Поло оленные мекриты отождествляются с вокараями, название которых можно связать с юкагирским словом *вагаришль* – предок, родоначальник. Следовательно, оленные мекриты связываются с праюкагирами. Наличие конных мекритов в сообщении Марко Поло предполагает переход праюкагирских групп к скотоводству и на тюрко-монгольские языки.

Таким образом, становится вполне определенным вывод о том, что меркиты, мекриты и мекрины имеют между собой определенную этническую связь. Их предками, вероятно, являются мохэ – племя, считающееся по своему этническому происхождению тунгусо-маньчжурским. Принято считать, что в Восточный Туркестан мекрины попали в результате походов Таньшихая. Присутствие милиге-меркитов в Саяно-Алтае предполагает наличие в древности широкого мохэского круга племен – от Кореи и Приморья до Байкала. Исходя из наличия оленных мекритов в сообщении Марко Поло, их вполне можно отождествить с древними тунгусами. Однако их загадочная, еще не вполне понятная связь с самодийцами и юкагирами позволяет связывать меркитов-мекритов и с уральскими народами. Постольку в Танскую эпоху рыболовы и охотники милиге-меркиты были представлены как одно из племен древних тюрков, то

они оказались отуреченными еще в древности. К тому же антропонимы и топонимы меркитов Забайкалья предполагают их этническое родство не только с этническими предками калмыков и бурятов, но и тюркоязычных саха. Этимологическая связь имени меркитов, возводимых к мохэ, с этнонимом *монгол* через корейское обозначение мохэ – *мальгаль*, создает целый ряд сложных вопросов по выяснению этнической истории народов Дальнего Востока и Центральной Азии, решить которые еще предстоит.

Список литературы

- Авляев Г. О.* Происхождение калмыцкого народа. Элиста, 2002. 325 с.
- Алексеев А. Н.* Древняя Якутия. Железный век и эпоха средневековья. Новосибирск, 1996. 95 с.
- Алексеев М. П.* Сибирь в известиях западно-европейских путешественников и писателей. Иркутск, 1941. С. 34–56.
- Ахинжанов С. М.* Кыпчаки в истории средневекового Казахстана. Алма-Ата, 1989. 293 с.
- Бичурин Н. Я.* Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. М.; Л., 1953. Т. 3. 332 с.
- Боло С. И.* Прошлое якутов до прихода русских на Лену (по преданиям якутов бывшего Якутского округа). Якутск, 1994. 320 с.
- Бураев А. И.* Кочевые народы Циркумбайкалья по данным антропологии // Социогенез в Северной Азии. Иркутск, 2005. Ч. 1. С. 211–215.
- Бурыкин А. А.* Историко-этнографические и историко-культурные аспекты исследования ономастического пространства региона (топонимика и этнонимика Восточной Сибири). СПб., 2006. 224 с.
- Буряты.* М., 2004. 633 с.
- Васильев Ф. Ф.* Военное дело якутов. Якутск, 1995. 220 с.
- Гоголев А. И.* Якуты (проблемы этногенеза и формирования культуры). Якутск, 1993. 200 с.
- Грум-Гржимайло Г. Е.* Западная Монголия и Урянхайский край. Л., 1926. Т. 2. 523 с.
- Гумилев Л. Н.* Древние тюрки. М., 1993. 520 с.
- Гумилев Л. Н.* Три исчезнувших народа // Страны и народы Востока. М., 1961. Вып. 2. С. 103–113.

Дашибалов Б. Б. Истоки: от древних хори-монголов к бурятам: Очерки. Улан-Удэ, 2003. 124 с.

Дыренкова Н. Род, классификационная система родства и брачные нормы у алтайцев и телеут // Материалы по свадьбе и семейно-родовому строю народов СССР. Л., 1926. С. 247–259.

Золотая Орда в источниках: Сб. материалов, относящихся к истории Золотой Орды в переводах В. Г. Тизенгаузена / Сост. Р. П. Храпачевский. Т. 1: Арабские и персидские сочинения. М., 2003. 448 с.

Зуев Ю. А. Киргизы-буруты (к вопросу о тотемизме и принципах этнонимообразования) // СЭ. 1970. № 4. С. 79–84.

Карпини П. Д. Дель. История монголов. 4-е изд. М., 1997. 460 с.

Ксенофонов Г. В. Ураангхай-сахалар: Очерки по древней истории якутов. Якутск, 1992. Т. 1, кн. 1. 416 с.

Ксенофонов Г. В. Элэйада: материалы по мифологии и легендарной истории якутов. Новосибирск, 1977. 245 с.

Кызласов Л. Р. Очерки по истории Сибири и Центральной Азии. Красноярск, 1992. 224 с.

Малов С. Е. Памятники древнетюркской письменности. М.; Л., 1951. 400 с.

Маркварт И. О происхождении народа куманов. 1914 // Сайт «Великая степь» [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://steppe.hobi.ru/books/markvart1-00.shtml>. Дата обращения: 22.06.2008.

Марко Поло. Книга Марко Поло. 4-е изд. М., 1997. 460 с.

Миллер Г. Ф. Описание Сибирского царства. М.; Л., 1937. Кн. 1. 607 с.

Нимаев Д. Д. Монгольские народы: этническая история и современные этнокультурные процессы. Улан-Удэ, 2007. 146 с.

Рашид-ад-дин. Сборник летописей. М.; Л., 1952. Т. 1, кн. 1–2. 221 с.

Румянцев Г. Н. Происхождение хоринских бурят. Улан-Удэ, 1962. 240 с.

Скрынникова Т. Д. Харизма и власть в эпоху Чингисхана. М., 1997. 216 с.

Сравнительный словарь тунгусо-маньчжурских языков. М., 1975. Т. 1. 672 с.

Тиваненко А. В. Гибель племени меркитов. Улан-Удэ, 1992. 70 с.

Туголуков В. А. Тунгусы (эвенки и эвены) Средней и Западной Сибири. М., 1985. 285 с.

Туголуков В. А. Этнические корни тунгусов // Этногенез народов Севера. М., 1980. С. 152–177.

Ушницкий В. В. Происхождение народа саха (по материалам исторических преданий): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Якутск, 2004. 26 с.

Цыденбамбаев Ц. Б. Бурятские исторические хроники и родословные. Историко-лингвистическое исследование. Улан-Удэ, 1972. 662 с.

Шавкунов Э. В. Государство Бохай и памятники его культуры в Приморье. Л., 1968. 128 с.

Штернберг Л. Я. Культ орла у сибирских народов // Первобытная религия. Л., 1936. С. 114–115.

Этимологический словарь тюркских языков: общетюркские и межтюркские лексические основы на буквы «Л», «М», «Н», «П», «С» / Ин-т языкознания РАН. М., 2003. 446 с.

Юрченко А. Г. Христианский мир и «Великая Монгольская империя». Материалы францисканской миссии 1245 года. СПб., 2002. 478 с.

Яйленко В. П. Миграция кунов-курыкан из Южной Сибири в Поднепровье в свете письменных и археологических источников // Проблемы археологии Степной Евразии. Кемерово, 1987. С. 152–153.

Minority V. Hudud al – ‘Alam. L., 1937 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://odnap1yazyk.narod.ru/> (дата обращения: 25.06.2008).

Материал поступил в редколлегия 18.05.2008

V. V. Ushnitsky

DISAPPEARED TRIBE OF THE MERKITS (MEKRITS): TO THE PROBLEM OF THEIR ORIGIN AND DESCENDANTS

The ethnic history of a medieval tribe merkits is poorly studied, the parity question between mekrirts and merkits, and also mekrirts East Turkestan is not found out. As the article affirms that ancestors mekrirts, merkits and mekrirts possibly are mokhe the Far East. Mysterious communication merkits-mekrirts with samodians and yukagirs, allows to connect them with the Ural people. Antroponyms and toponyms merkits Transbaikalia, and also totem the cult of an eagle and folklore materials sakha, testify to sharing merkits in ethnogenesis of sakha.

Keywords: Ethnogenesis, ethnonyms, turks, tunguss, mongols, mokhe, merkits, sakha, Chinggis Khan.